

Рец. на кн.: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.

Баев Валерий Григорьевич

Заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права Тамбовского государственного технического университета (Тамбов), кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: vgbaev@gmail.com

Марченко Алексей Николаевич

Доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского государственного технического университета (Тамбов), кандидат юридических наук,
e-mail: alexey_ctk@mail.ru

Review of the book: *Medushevskii A. N. Political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the XX century.* – Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. – 656 p.

Baev Valerii

Head of the department, Tambov State Technical University (Tambov), candidate of historical sciences, doctor of legal sciences,
e-mail: vgbaev@gmail.com

Marchenko Alexei

Associate professor, Tambov State Technical University (Tambov), candidate of legal sciences,
e-mail: alexey_ctk@mail.ru

До настоящего момента полноценному осмыслению революционных событий препятствовали разнообразные предубеждения и стереотипы, социалистические, коммунистические, либеральные мифы, а также, что самое главное, чрезвычайно высокая политизация социума как целого и научного сообщества как его части. Однако по прошествии века мы получили возможность беспристрастно анализировать и обсуждать как негативные, так и позитивные стороны революции и советской эпохи. Сегодня одни общественные деятели склонны идеализировать советское прошлое, другие, составляя большинство, резко критикуют, «разоблачают» и осуждают преступления коммунистического режима. Наиболее радикальные представители российских интеллектуальных кругов «демонизируют» СССР.

Однако пользу приносит не политическая демагогия, а беспристрастная научная оценка эпохи с учетом современных данных. Нужны не апологии и филиппики, но объективное осмысление, которое опирается на твердый фундамент политологического, социологического и историко-правового анализа Октябрьской революции, пролетарской диктатуры, сталинского режима и советского строя в целом. Подобное исследование столь сложной эпохи необходимо осуществлять в теоретическом и практико-ориентированном ключе. Именно этим целям служит рассматриваемая монография профессора Высшей школы экономики Андрея Николаевича Медушевского.

Автор книги может равным образом считаться экспертом в области истории, философии, социологии, политологии, права (в первую очередь конституционного). Его новый труд – это столь необходимый нашей науке опыт конституционно-правового анализа, объектом которого выступает становление советской конституционной модели. Актуальность проведенного исследования определяется тем, что многие черты «старой» советской системы сохранились и в современной России.

Автор поставил перед собой цель – раскрыть логику русского революционного процесса в сравнительной перспективе (крупные революции прошлого и современности) и функциональном контексте (механизмы принятия стратегических политико-правовых решений), исходя из реконструкции смысла конституционных принципов, их позитивации в праве и функционирования в политическом процессе. Решение этой задачи означало бы «создание основ доказательной политической истории революции как единого исторического процесса» (с. 603). Иными словами, А. Н. Медушевский рассматривает революционные преобразования в контексте реальных мотивов противоборствующих сил. Данный подход представляется особенно ценным, так как раскрывает истинные принципы советского конституционализма.

Автор использует когнитивный метод историко-правового исследования, который обеспечивает приоритет познания в научном анализе. Исследовательская деятельность протекает в русле современной отечественной исторической науки, где все большее значение приобретает новое эпистемологическое направление, известное как «когнитивная история»¹. А. Н. Медушевский особую ценность когнитивного метода видит в том, что он позволяет перейти от «нарративной (описательной) истории к истории как строгой науке, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленной человеческой деятельности. Развиваясь в эмпирической реальности, данная деятельность неизбежно сопровождается фиксацией ее результатов, созданием интеллектуальных продуктов или вещей, которые рассматриваются в исторической науке в качестве источников; их намеренная и ненамеренная информация может быть расшифрована исследователем для получения достоверного знания о прошлом. Суть когнитивной теории означает понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности» (с. 9).

В рецензируемой монографии конституционно-правовые и иные юридические тексты советской эпохи анализируются не столько с точки зрения их формального содержания, сколько с позиции целей и идей, которые реализовывались в конкретных исторических обстоятельствах. Например, в отличие от большинства исследователей автор разделяет идеологические мифы Советского государства и реальные цели конституционно-правового строительства. В результате выявляются ключевые моменты, позволяющие проследить вековую связь между сформировавшимся в 1918 г. политическим режимом и положением дел в современной России.

Какая концепция лежала в основе советской государственности? Какой механизм властвования и какая организованная государственная структура должны были образоваться на заключительном этапе революционного процесса? По утверждению автора, в основе идеологии Советского государства лежал миф о государстве-коммуне. Однако для правильного понимания советской системы важно выявить связь мифа и реального конституционного строя (с. 17). Очевидно, что Советы не стали объективно самостоятельными органами; государство управлялось не Советами, а партийными структурами. Однако на мифе о государстве-коммуне основывалась идеология Советского государства.

В действительности миф о государстве-коммуне показал свою нежизнеспособность. Он был развеян к весне 1918 г., после антисоветских выступлений на Юге России и восстания Чехословацкого корпуса. Эти события вскоре заставили большевиков осознать слабость своей власти в крестьянской, а не пролетарской стране. Перед сторонниками Ленина встала проблема: отказаться от ранее провозглашенных идеалов они не могут, но и изменение социальных, экономических и политических условий оказалось неподъемной задачей. Большевики решили действовать сообразно политической ситуации, не отрекаясь от старой идеологии. То есть провозглашать демократизм, право нации на самоопределение вплоть до отделения, утверждать власть Советов, а на практике выстраивать жесткую централизованную систему. В результате была создана советская система, которая опиралась не на выборы и широкие слои населения, как

¹ Основы данного подхода наиболее полно раскрыты в трудах О. М. Медушевской. Подробнее см.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Ее же. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010.

декларировалось, а на куриальную и многоступенчатую систему квазигосударственных органов (с. 191).

Как уже отмечалось, неэффективность Республики Советов как особой формы правления стала очевидной уже весной 1918 г. – в момент принятия Проекта положения о Российских Совдепах от 17 мая 1918 г. Указанный документ построен на идеях Советской республики-коммуны, на деле же, как сразу заметили критики, направлен на формирование своеобразной вертикали власти. Отсюда и выводится тезис о несоответствии создаваемой Советской республики образцу коммуны как ее идеологической основы (с. 189). Следовательно, почти с самого появления Советского государства существовали провозглашаемые нормы и нормы реальные, о которых не говорили, но которые действовали.

Примерно в то же время приступила к работе Конституционная комиссия, созданная решением ВЦИК 1 апреля 1918 г. Ей поручалась разработка новой конституции. В задачи Комиссии входили: 1) выстраивание правовых рамок Советского государства; 2) фиксация стихийно сложившейся социальной реальности; 3) выстраивание вертикали власти, ее централизация. Процесс разработки и принятия конституции позволил четко увидеть отступление от правового идеала государства-коммуны и эволюцию режима в направлении однопартийной диктатуры. По примеру якобинской диктатуры большевики выстраивали новый революционный аппарат террора. По мысли разработчиков, Конституция 1918 г. была призвана выполнять не столько юридическую, сколько идеологическую функцию (с. 208). Другими словами, в ходе работы над Конституцией 1918 г. большевики окончательно отказались от попыток реализации коммунистического мифа. Хотя он и оставался в публичном идеологическом пространстве на всем протяжении существования Советского государства.

В этом А. Н. Медушевский видит основание советского правового нигилизма, анализируя переход от «революционного правосознания» к политической целесообразности (с. 202). Именно здесь скрываются корни советского конституционализма: формально (в соответствии с государственно-правовыми нормами) присутствует Советская республика, в основе которой стоят особые представительные органы – Советы, избираемые трудящимися и связанные их наказами; фактическая власть находится в руках вождя, партии и т. д. В результате имеет место весьма жесткая централизованная система, отстраняющая население страны от участия в политической жизни и принятии политических решений.

Автор рецензируемой монографии указывает на циклический характер развития советской модели конституционализма. Так, принятие Конституции 1918 г. ознаменовало начало формирования номинального конституционализма. Его окончательное формирование относится к 1936 г., к моменту принятия третьей конституции. Конституция стала частью идеологии государства, не отражала подлинной структуры власти и управления, устанавливала диктатуру, не содержала правовых механизмов осуществления декларируемых прав, не имела отношения к социальной действительности, выступая исключительно элементом политико-правовой легитимации однопартийного режима. Юридическое закрепление формальных институтов позволило сконструировать параллельную систему неформальных институтов. В итоге Конституция 1936 г. превратилась в памятник номинального конституционализма (номинальный федерализм, номинальный парламентаризм, номинальный демократизм, номинальное право рабочих на забастовки).

Автор дает крайне нелицеприятную характеристику советскому проекту: это проект, которому свойственны двойные стандарты; ложный проект, поскольку основан на мифах; устроен так, чтобы проводить успешную психологическую манипуляцию гражданами и обществом. Попытка привести сложившуюся систему управления государством, систему органов на местах к их конституционной основе повлекла крах Советского государства. По оценке ученого, наследие советского конституционализма нашло отражение в постсоветских преобразованиях, приведших лишь к частичной трансформации общественного сознания и институтов; в результате мы пришли к авторитарной демократии (с. 598).

Автор проводит детальный анализ конституционных циклов в России XX в., положив в основу исследования многочисленные исторические и правовые источники.

Рецензируемая монография – монументальное исследование русской революции в ее конституционно-правовом срезе. Представляется важным понимание того, имел ли место прогресс в деле конституционного строительства с 1918 по 1993 г. или модель номинального конституционализма, созданная в 1918 г., пребывала в «замороженном» состоянии вплоть до конституционной революции 1993 г.? Либо эволюционировала в направлении установления режима жесткого авторитаризма?

Если последнее верно, утверждения автора о частичной трансформации номинального конституционализма после 1993 г. небесспорны. С нашей точки зрения, советские традиции мнимого конституционализма не были преодолены в 1990-е гг. и сохраняются до сих пор. Это нашло отражение в экономике (хищническая приватизация, «капитализм для своих» и т. д.), в сверхсильной власти президента и беспомощном парламенте (чего не наблюдалось даже в германской империи эпохи Бисмарка). Возможность манипулировать общественным мнением, прикрываясь демократическим фасадом, искусное использование двойных стандартов и неконституционных методов управления при сохранении конституции позволяют вводить в заблуждение как зарубежные демократические страны, так и российское общество. При этом в действительности проводится авторитарная политика. Таким образом, с помощью декоративной демократии скрываются истинные цели и методы властвования.

Автор поднимает еще одну дискуссионную проблему. Это характеристика деятельности лидеров русской революции, прежде всего Ленина, которая во многом предопределяет общую оценку революции и ее итогов. Являлись ли большевики государственными преступниками, противоправно захватившими власть, или были одержимы благими намерениями и, не поняв природы человека, повели страну к светлому будущему через кровь и страдания? По мысли А. Н. Медушевского, Ленин скорее фанатик, чем злодей. Мотивом его деятельности было избавление человечества от зла, хотя автор не исключает и макиавеллистской природы его взглядов. Вместе с тем необходимо принять во внимание и противоположную позицию по этому вопросу правоведа В. М. Сырых¹. Расхождения в оценках прошлого – дело обычное, но нельзя не учитывать и иные стороны большевистского режима, создавшего основы для ускоренной культурной революции.

Еще одна скользкая тема, требующая внимательного отношения, – террор. А. Н. Медушевский убедительно доказывает, что большевики как фанатики были искренни в стремлении создать государство на основе мифа, но скоро поняли, что ничего из этого не выйдет, и стали руководствоваться «рациональным выбором». Автор называет это обычной метаморфозой всех тоталитарных сект и анализирует данную трансформацию с позиций когнитивной психологии².

Утверждается, что смысл всенародного обсуждения конституций заключался не просто в стремлении закамуфлировать террор (это признают все), но создать для него психологические предпосылки. А. Н. Медушевский склоняется к тому, что террор – спланированная акция, истинным его создателем был Сталин, хотя, возможно, он пришел к этой идее под влиянием успешной акции Гитлера. Думается, что террор уходит корнями в историю Французской революции конца XVIII в., в которой его олицетворением выступили Марат и Робеспьер, чьим опытом и воспользовались большевики.

Ценность любого исторического научного труда заключается не столько в описании того, как все было (историки все равно не смогут в точности воссоздать картину прошлого), сколько в способности автора сформулировать собственную позицию (оценку) в отношении объекта исследования и убедительно доказать ее право на существование. В этом плане монография А. Н. Медушевского заслужила свое право стоять на первой полке ученого-исследователя русской революции.

Список литературы

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010.

¹ Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобо-страстия). М., 2017.

² См. также: Медушевский А. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 5–6.

Медушевский А. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5–6.

Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017.

References

Medushevskaya O. M. Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii. M., 2008.

Medushevskaya O. M. Teoriya istoricheskogo poznaniya: izbrannye proizvedeniya. M., 2010.

Medushevskii A. Fenomen bol'shevizma: logika revolyutsionnogo ekstremizma s pozitsii kognitivnoi istorii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. № 5–6.

Syrykh V. M. Neizvestnyi Lenin: teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostrastiya). M., 2017.